

Лисицин Роман Юрьевич, Полубояринова Лариса Николаевна

"ОЧАРОВАНИЕ И КРОТКАЯ ПЕЧАЛЬ ОТЦВЕТШИХ ЖЕНЩИН": МОТИВ СТАРОСТИ И ГЕНДЕРНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В РОМАНЕ АДАЛЬБЕРТА ШТИФТЕРА "БАБЬЕ ЛЕТО"

В статье с опорой на методологию гендерных исследований и некоторые положения ageing-studies предпринимается попытка проанализировать мотив "увядающей" женской красоты, как он представлен в романе австрийского классика Адальберта Штифтера (1805-1868) "Бабье лето". В центре рассмотрения стоит образ Матильды как репрезентации эротически притягательной пожилой женщины, разрушающей гендерные стереотипы бидермейера и реализма.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/6-3/8.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 6(60): в 3-х ч. Ч. 3. С. 38-40. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/6-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

SENSE-FORMING FUNCTION OF THE ENDING OF ENGLISH MODERNIST STORY

Kopylova Eleonora Arsen'evna
Herzen State Pedagogical University of Russia
lenore30@hotmail.com

This article discusses the structural peculiarities of the English modernist story from the point of view of philosophy, stylistics, literary criticism, hermeneutics and psycholinguistics. The author emphasizes the interdependence of literary school and literary form. Particular attention is paid to the specificity of the ending of the modernist story and its sense-forming significance in the framework of "the game poetics" of modernism is proved.

Key words and phrases: form; content; structure of text; semantics of text; modernism; open ending; sense-forming function.

УДК 821.112.2

В статье с опорой на методологию гендерных исследований и некоторые положения ageing-studies предпринимается попытка проанализировать мотив «увядающей» женской красоты, как он представлен в романе австрийского классика Адальберта Штифтера (1805-1868) «Бабы лето». В центре рассмотрения стоит образ Матильды как репрезентации эротически притягательной пожилой женщины, разрушающей гендерные стереотипы бидермейера и реализма.

Ключевые слова и фразы: Адальберт Штифтер; Симона де Бовуар; бидермейер; воспитательный роман; репрезентация старости; геронтологический дискурс; гендерная констелляция

Лисицин Роман Юрьевич

Полубояринова Лариса Николаевна, д. филол. н., профессор
Санкт-Петербургский государственный университет
romaschischka@mail.ru; LarPolub@hotmail.com

«ОЧАРОВАНИЕ И КРОТКАЯ ПЕЧАЛЬ ОТЦВЕТШИХ ЖЕНЩИН»: МОТИВ СТАРОСТИ И ГЕНДЕРНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В РОМАНЕ АДАЛЬБЕРТА ШТИФТЕРА «БАБЬЕ ЛЕТО»

«Воспитательный» роман австрийского писателя Адальберта Штифтера (1805-1868) «Бабы лето» („Der Nachsommer“), написанный в 1857 году, считается непосредственным продолжением традиции, заложенной главным образчиком данного жанра – «Годами учения Вильгельма Мейстера» (1796) И. В. Гете. В контексте немецкоязычной литературы XIX века «Бабы лето» сопоставимо по значимости с известной швейцарской версией романа воспитания – «Зеленым Генрихом» Готфрида Келлера, первый вариант которого вышел почти одновременно с романом Штифтера (в 1855 г.). Однако если «Зеленый Генрих» – типичный роман поэтического реализма, сконцентрированный, по определению М. М. Бахтина, на моменте «существенного становления человека» [2, с. 211], а именно кризисного внутреннего опыта с неизбежными моментами «протрезвления, с той или иной степенью резиньяции» [Там же, с. 213] (первая редакция «Зеленого Генриха» заканчивается самоубийством героя), то штифтеровская версия обнаруживает скорее бидермейеровские черты. Тем самым она предстает одновременно и более абстрактной, и более конкретной, и однозначно – менее кризисной и внутренне конфликтной для воспитуемого героя, нежели роман Келлера.

Концепция воспитания у Штифтера представляется более абстрактной, нежели у Келлера и даже у Гете, в силу очевидной внутренней бесконфликтности воспитательного пути главного героя. Молодой протагонист, сын состоятельного венского купца Генрих Дрендорф, получив хорошее домашнее образование, неторопливо и поступательно «ищет себя» во взрослой жизни, перемещаясь между родительским домом, поместьем Асперхоф своего старшего друга и воспитателя барона фон Ризаха (немецкое его обозначение – *Gastgeber* – в русском издании романа переводчик С. К. Апт точно передал искусственным словом «гостеприимец») и поместьем Штерненхоф подруги Ризаха Матильды. Пройдя при постоянной дружески-назидательной поддержке Ризаха через овладение науками естественного цикла и приобретя некоторые художнические навыки, Генрих останавливается на профессии геодезиста. Роман завершается его женитьбой на дочери Матильды – прекрасной Наталии.

Кажущаяся абстрактность и «дистиллированность» линии воспитуемого героя, раздражавшая современников Штифтера (таких, как Фридрих Геббель), искупается, однако, конкретностью и точностью иного рода. Это конкретность и точность необычайно густого и насыщенного предметного мира и своеобразно понятой, «обытовленной», овеянной историей. Любовь Штифтера к старым вещам давно замечена и отмечена исследователями. В отечественной науке об этом мотиве у Штифтера глубоко и тонко написал А. В. Михайлов [4]. В последнее время штифтеровский интерес к вещам все чаще интерпретируется в духе Шарля Бодлера [7] (в связи с фигурой «старьевщика» [3]) и Вальтера Беньямина (в связи с фигурой «коллекционера» [8]) как «модерное» «собирачество», от которого, как считал Беньямин, только один шаг до сюрреалистического видения вещи – предельно конкретного и ирреального одновременно.

Сам Штифтер в другом своем, более раннем тексте – «Записки моего прадеда», в котором тоже есть молодой герой, «воспитывающийся» на материализованном опыте предшествующих поколений, – отметил особую, ностальгическую значимость «старинного хлама»:

«С каким усердием человек спроваживает прошлое с глаз долой, и с какой между тем неизъяснимой любовью тянется он к уходящему в вечность, хоть это не что иное как мякина, отсевики минувших лет. Ибо это – поэзия отжившего хлама, та печально-нежная поэзия, что воспекает следы обыденного, привычного и этим особенно трогает сердце, ибо в них с наибольшей ясностью запечатлены тени усопших – вместе с нашей тенью, что влечется за ними (выделено нами – Р. Л., Л. П.)» [6, с. 33-34].

В ореоле «печально-нежной поэзии» явлены в «Бабьем лете» старинные вещи и пожилые люди – как «материализованные» носители истории и опыта. В силу этого именно пожилые персонажи вместе с их «старинным» предметным окружением отчетливо выдвигаются в романе на первый план, в то время как сам молодой герой оказывается значимым и важным лишь в той мере, в какой он способен приобщиться к данным опыту и истории – чем ближе к концу романа, тем больше.

Старость как социокультурный феномен и как топос литературы и искусства присутствует в европейском дискурсе, начиная самое позднее с трактата Цицерона «О старости» («De senectute» (44 г. до н.э.)), и выступает в последнее время объектом исследования в качестве так называемого литературного «геронтологического дискурса». В немецкоязычной традиции эта тема находит особенно яркое выражение у авторов, сохранивших литературную активность в пожилом возрасте и оставивших после себя достойный внимания «Alterswerk» (так называют в немецком литературоведении совокупность поздних произведений писателя), таких как Гете, Томас Манн, Гюнтер Грасс.

У Штифтера, однако, тема старости и образы пожилых персонажей вряд ли связаны с проблематикой собственного старения, так как они, кроме относящегося к зрелому периоду творчества «Бабьего лета», представлены также и в более ранних новеллах и повестях писателя, таких как «Известняк», «Холостяк», «Турмалин», «Гранит», «Старая печать», а также в уже упомянутых «Записках моего прадеда».

Большинство штифтероведов, в частности, Томас Кюппер [9], Ульрике Веддер [11], С. Н. Аверкина [1], справедливо соотносят данную тему у Штифтера с общим интересом культуры бидермейера к пожилому возрасту и старости. Этот интерес, как и многое в бидермейере, приходит на смену романтической парадигме с ее культом молодого индивидуализма. В частности, целую галерею старческих портретов дает бидермейеровская живопись в лице художников Карла Шпицвега, Морица фон Швинда, Фердинанда Вальдмюллера. Анализируя одну из таких картин – вальдмюллеровский портрет матери капитана Штирле-Хольцмайстера [4], – А. В. Михайлов отмечает в изображении пожилой женщины существенное подобие внешнего и внутреннего, однако понятое не как преодоление «внешнего» (дряхлого старческого тела) «внутренним» (душа). Точкой отсчета для бидермейеровского живописца Михайлов считает как раз внешнее – видимую поверхность человеческого тела. Лицо модели испещрено морщинками, это реальные следы времени, однако для художника они – не знак «изношенности», «порчи» атерии (кожи человека), но знак ее «богатства», насыщенности материей времени.

Именно такова наблюдаемая в «Бабьем лете» логика репрезентации пожилой героини – Матильды, матери будущей невесты Генриха. «Это была старая женщина» [5, с. 184], – отмечает молодой протагонист, когда впервые видит вышедшую из кареты Матильду, прибывшую в гости к Ризаху. Однако он тут же вспоминает о слышанном из уст своего «гостеприимца» «сравнении стареющих женщин с отцветающими розами» [Там же]:

«Они похожи на эти увядающие розы. Когда лицо у них уже в морщинах, сквозь морщины еще виден прекрасный, приятный цвет кожи», – сказал он, и так оно и было у этой женщины. Множество морщинок покрывал такой мягкий, такой нежный румянец, что ее нельзя было не полюбить, и она поистине была розой этого дома, которая и отцветая остается прекраснее других роз, хотя те еще в полном цвету. У нее были очень большие черные глаза, из-под шляпы ее выбивались две очень тонкие серебряные пряди волос, а рот у нее был очень красивый и милый» [Там же].

Матильда, как видим, сочетает преклонный возраст с эротической притягательностью. Друг ее юности Ризах, за которого она, следуя воле родителей, не смогла выйти замуж, по-прежнему влюблен в героиню и готов ради нее ежегодно в июне превращать свое поместье в царство роз, и Матильда отвечает ему взаимностью. В данном случае мы имеем дело с достаточно нетрадиционным женским образом не только в контексте творчества Штифтера, но и в проекции на немецкоязычную литературу вплоть до рубежа XIX-XX веков.

Например, для повествовательной прозы XIX века женская старость, если она вообще попадает в фокус литературы данного периода, репрезентирована чаще всего стереотипами «комической старухи» (Дженни Трайбль у Теодора Фонтане), «доброй маменьки» (мать Генриха Лее в «Зеленом Генрихе»), «старой ведьмы» (целая галерея романтических клише, многие из которых ориентированы на образ Барбары из «Годов учения Вильгельма Мейстера»). Еще раньше, в XVIII веке Готхольд Эфраим Лессинг объяснял отсутствие или маргинальность образа матери в мещанской драме («Мисс Сара Сампсон», «Эмилия Галотти» самого Лессинга, «Коварство и любовь» Шиллера) тем обстоятельством, что пожилая актриса в сценическом воплощении данной роли малопривлекательна для публики и, соответственно, «вредит» успеху представления.

У Штифтера акценты с очевидностью распределяются ровно наоборот. Наталия, дочь Матильды и будущая невеста протагониста, вводится уже после матери, хотя она приехала в одну карете с Матильдой, и внешность ее принципиально не описывается («за нею, чуть боком к ней сидела девушка» [Там же, с. 185]). По большому счету, у Наталии, поскольку она еще так же незрела, как Генрих, и пребывает в процессе воспитания, пока еще «нет» внешности, однако таковая постепенно появляется или «проявляется» ближе к концу романа, по мере взросления и созревания героев. Возраст предстает, таким образом, материализованным внутренним опытом – в том числе в виде следов времени на коже, волосах, осанке – и соотносим с юностью, как полнота соотносится с пустотой, ненаполненностью. Морщины, седина в такой логике – знаки полноты, эстетической состоятельности и, в случае Матильды – также и эротической притягательности.

Примечателен тот факт, что образ Матильды при достаточно подробной изученности штифтеровского романа, в том числе и в гендерном плане, не привлек к себе до сих пор в достаточной мере внимания исследователей. Одна из наиболее ранних монографий на тему гендерной констелляции штифтеровского творчества – книга Берты Форбах «Адалберт Штифтер и женщина» – выходит в 1936 г. Отмеченная Форбах типичная для эпохи Реставрации и для автора в целом, «консерватора» по убеждениям, патриархальная составляющая образа женщины и отношений полов ставится в центр также и более поздними исследователями, такими как Дагмар Лоренц и Сабине Шмидт. При этом на первый план в анализе выступает именно формально основная любовная линия романа, связанная с отношениями молодых героев – Генриха и Наталии. Лишь на четвертый год знакомства молодые герои осмеливаются поведать друг другу свои чувства, да и то, как верно было отмечено А. В. Михайловым, скорее в иносказательной форме. Подчеркнутый пуризм Штифтера в репрезентации любовного чувства и, в частности, женской телесности был подробно проанализирован Франциской Шеслер в книге «Неостановимое исчезновение Эроса: чувственность и порядок в творчестве А. Штифтера» [10].

Как ни парадоксально, «неостановимое исчезновение Эроса», которым отмечены отношения молодых героев, не распространяется в романе на пожилую пару – Матильду и фон Ризаха, счастье которых с годами, как отмечает Ризах, «не отцвело, а только видоизменилось» [5, с. 314]. И в этом смысле «Бабье лето» как раз скорее антипатриархальный роман. Оксюморное на традиционный взгляд сочетание Эроса и старости или «Эроса в старости» формулируется у Штифтера с отчетливостью, сопоставимой с логикой известной книги Симоны де Бовуар «Старость» (1970). Бовуар в своем эссе намечает несколько парадоксальных моментов феномена «старость», уделяя отдельное внимание также и проблематике женского старения, особенно острой, как считает Бовуар, в силу того, что в традиционном обществе женщина воспринималась исключительно в ракурсе ее репродуктивной функции. Один из таких парадоксов – поступательное и неуклонное увеличение удельного веса пожилого населения (старение наций) при сохранении в обществе ограниченного набора нередко негативно коннотированных дискурсов и стереотипов восприятия старости.

Как возможно предположить, роман Штифтера более чем за сто лет до появления исследования Бовуар разрушает один из отмеченных ею патриархальных стереотипов. Употребленная в романе в связи с Матильдой метафора «увядающая роза» становится образом-шифром, концентрирующим в себе представление о «красивом» и не лишенном эротической составляющей женском старении, не совсем типичное для немецкого бидермейера и реализма и показательное, и сопоставимое в контексте немецкоязычной литературы лишь с более поздними примерами репрезентации женской старости (или молодости в старости – если вспомнить, например, о последней, неоконченной новелле Томаса Манна «Обманутая» – «Die Betrogene», 1953 г.).

Список литературы

1. **Аверкина С. Н.** Типология пожилых персонажей А. Штифтера // Межкультурные коммуникации. Проблемы методологии и теории: сборник научных статей. М.: Издательство РГТЭУ, 2012. Вып. 4. С. 208-219.
2. **Бахтин М. М.** Роман воспитания и его значение в истории реализма // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Художественная литература, 1986. С. 199-249.
3. **Бодлер Ш.** Вино и гашиш как средство для расширения человеческой личности [Электронный ресурс]. URL: <http://fanread.ru/book/145426/?page=1> (дата обращения: 12.03.2016).
4. **Михайлов А. В.** Искусство и истина поэтического в австрийской культуре середины XIX века // Михайлов А. В. Языки культуры: пособие по культурологии. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 683-716.
5. **Штифтер А.** Бабье лето / пер. С. Апта. М.: Прогресс-Традиция; Астра семь, 1999. 612 с.
6. **Штифтер А.** Записки моего прадеда // Штифтер А. Лесная тропа. Повести и рассказы / пер. с нем. М.: Художественная литература, 1971. С. 25-140.
7. **Ямпольский М. Б.** Пространственная история: три текста об истории. СПб: Сеанс, 2013. 343 с.
8. **Benjamin W.** Eduard Fuchs, der Sammler und der Historiker // Zeitschrift für Sozialforschung. 1937. Jg. 6. S. 346-381.
9. **Küpper Th.** Das inszenierte Alter. Seniorität als literarisches Programm von 1750 bis 1850. Würzburg: Königshausen & Neumann Verlag, 2004. 186 S.
10. **Schöblier F.** Das unaufhörliche Verschwinden des Eros: Sinnlichkeit und Ordnung im Werk Adalbert Stifters. Würzburg: Königshausen & Neumann Verlag, 1995. 260 S.
11. **Vedder U.** Erbschaft und Gabe, Schriften und Plunder. Stifters testamentarische Schreibweise // History, Text, Value. Essays on Adalbert Stifter. Londoner Symposium 2003. Institute of Germanic Studies, University of London, School of Advanced Study, 2004. Bd. 11. S. 22-33.

“CHARM AND GENTLE SORROW OF FADED WOMEN”: THE OLD AGE MOTIVE AND GENDER PROBLEMS IN THE NOVEL BY ADALBERT STIFTER “INDIAN SUMMER”

Lisitsin Roman Yur'evich
Poluboyarinova Larisa Nikolaevna, Doctor in Philology, Professor
Saint Petersburg University
romaschischka@mail.ru; LarPolub@hotmail.com

Relying on gender research methodology and certain provisions of ageing-studies the paper analyzes the motive of “fading” woman’s beauty as it is represented in the novel by Austrian classic Adalbert Stifter (1805-1868) “Indian Summer”. The study focuses on Mathilda’s image as a representation of erotically attractive elderly woman breaking gender stereotypes of Biedermeier and realism.

Key words and phrases: Adalbert Stifter; Simone de Beauvoir; Biedermeier; educational novel; representation of old age; gerontological discourse; gender constellation.